

Глава третья. Виэн (часть 3)

Тетушка Лайру всё равно не находила себе места и, торопливо отпросившись на один день, поспешила вернуться в родную деревню.

А Виэн тем временем заведённым порядком приступил к тренировкам для младших слуг. Еще до рассвета слуги переоделись в белые рубашки и черные жилетки, заранее собравшись в парадном зале, и выстроились в шеренгу, ожидая дальнейших указаний.

Старший лакей Карло, отвечавший за их воспитание и надзор, приходился Виэном соседом по комнате. Сейчас он с напускной строгостью заложил руки за спину, овечая взглядом внешний вид подчиненных, то и дело подходя ближе, чтобы кому-то поправить одежду.

Проходя мимо Виэна, он с довольным видом кивнул. Даже в черно-белой рабочей одежде и при тусклом свете ламп этот юноша напоминал прекрасную, пышущую здоровьем розу.

Иногда Карло с неловкостью думал о том, как же жалко, что столь выдающаяся внешность пропадает в услужении у низшей прислуги. С таким-то лицом чем только не займешься, лишь бы срубить побольше денег!

Впрочем, мысли так и оставались мыслями. Мать Виэна когда-то служила в поместье, и предсмертным желанием этой честной и трудолюбивой женщины было то, чтобы сын остался здесь, занялся честным ремеслом и не торговал собственным телом.

Наверное, в этом и заключаются главные сомнения людей с привлекательной внешностью, не без грусти размышлял Карло, но по крайней мере у них еще оставался последний шанс изменить свою жизнь.

Виэн учился быстро, держался превосходно — казалось, он от рождения создан для работы старшим лакеем. Карло даже похвалил его за благородную осанку, какую сам когда-то до боли в мышцах зарабатывал ради пробития в высший свет.

Тренировка подошла к концу, слуги получили каждый свое задание и разошлись. Виэну поручили уборку в гостиной. На ходу размышляя, как помочь тетушке Лайру решить ее проблемы, он привычным движением наклонился, протирая журнальный столик. Прямая линия жилета подчеркивала изгиб стройной талии, которая то и дело проступала сквозь ткань.

Раньше он любил упорядочивать мысли именно за такой работой, но грамотен был слабо, и многие вещи заменял для себя условными значками.

В его памяти всплыл тот самый свежий карий взгляд, который неотрывно следил за ним.

Накануне он испек их собственными руками, корочка получилась хрустящей, а при первом же

укусе упругая, похожая на пудинг серединка таяла во рту, не прилипая к зубам. В сочетании со сладкой мякотью манго всё утро сразу наполнялось ощущением счастья.

Вафли пришлись по вкусу, и Ансель одобрительно приподнял бровь, ничего не сказав, лишь молча кивнул, следуя за ним.

Виэн быстро налил ему чашку горячего молока и приготовил ломтик вафли, политой манговым сомом. По заведенному порядку он поставил чашку и приборы слева.

Ансель неспешно позавтракал, а уголки его губ тронула легкая улыбка.

Виэн собирался при случае научить мистера Джозефа их выпечке: в этом рецепте не было ничего сложного, вся суть заключалась лишь в правильных пропорциях.

Виэн заметил детскую улыбку на лице Анселя и почувствовал, что даже в самом воздухе словно разлилась сладость манго, отчего сам невольно улыбнулся. Он точно знал, что угощение придется по душе — во время их прежних совместных поездок Ансель заказывал их много раз. Неизвестно почему, но позже, когда он учился делать сладости в надежде угодить богатым дамам, он заодно освоил и выпечку вафель.

— Очень вкусно, где мистер Джозеф научился этому? — Ансель медленно попивал молоко, выглядя вполне довольным. Виэн стоял рядом с полотенцем наготове, готовый в любой момент подать его, и с улыбкой ответил: — Я не знаю, хотите, я спрошу для вас?

Ансель изначально хотел лишь деликатно намекнуть, что у него слегка обнажилась спина, что выглядело не слишком прилично, но искренний тон Виэна заставил его смутиться. Пришлось лишь кивнуть в ответ на его слова: — На улице прохладно, если соберешься выходить, оденься потеплее.

— Вы плохо себя чувствуете? — Виэн встревожился. Прежде у Анселя тоже всё начиналось с кашля, а в итоге переросло в астму. Казалось бы, здоровье почти удалось поправить, но та суматошная пора, когда Ансель хлопотал ради него, отняла слишком много сил, и теперь в груди снова слышались глухие хрипы.

Он поспешно сменил тему, торопливо отложил тряпку и сказал Анселю: — Кстати, на завтрак сегодня зеленый чай с вишневым пирогом. Госпожа еще не встала, позвольте я пока приготовлю для вас что-нибудь легкое, а то пить крепкий чай натошак вредно для желудка.

— Хм.

— Хорошо, добавь его в меню послеполуденного чая, — кивнул Ансель.

Виэн заметил, как Ансель посмотрел на его облегающую рубашку и жилет: удачно скроенная

ткань подчеркивала изгибы тела — в них не было болезненной хрупкости, напротив, фигура выглядела гармонично и крепко, словно он специально занимался тренировками.

Визн почувствовал, как с возвращением к жизни в нем проснулось слишком много сентиментальности, и в носу снова защемило.

Визн повернул голову и увидел, что Ансель, одетый в черный плащ и шляпу, покрытый легким налетом утреннего инея, должно быть, только что вернулся с конной прогулки.

— Очень красиво, — Ансель окинул его восхищенным взглядом и тихо произнес: — Сходи к эконому, получи еще один комплект сменной формы.

Визн прекрасно понимал, что Ансель снова начал переживать из-за нехватки у него одежды, судя по всему, тот уже успел расспросить эконома о его финансовом положении. В то время Визн действительно был беден: всю месячную зарплату он отправлял домой в помощь семье, а сам обходился двумя комплектами формы, которые носил по очереди. Иногда постиранная одежда не успевала высохнуть, и ему приходилось прятаться где-нибудь в уголке в летней короткой майке и шортах, ожидая, пока она высохнет.

Вечером, устроившись под керосиновой лампой в прихожей, Визн достал потрепанную тетрадь и принялся что-то чиркать на ней угольным карандашом.

Сделав подряд несколько квадратов, Визн с горечью осознал, что уже очень давно ничего толком не писал. Те аристократы, к которым онль льнул, видели в нем лишь забаву — его заставляли петь и танцевать, но никто и не думал учить его грамоте. Им требовалось лишь его тело, а духовные запросы они удовлетворяли в другом месте. И надо же было такому случиться, что он сам ничего этого не замечал и даже гордился собой.

Все слова, которые он знал, его научил писать Ансель. Ансель терпеливо брал его руку в свою и выводил черточку за черточкой. Только тогда под пером Визна появлялся красивый, плавный курсив. Ансель любил во время полуденного отдыха прижиматься к его груди, раскрывать сборник стихов и неторопливо читать вслух, а встречая сложные слова, мягким и глубоким голосом разбирал их по слогам.

love.

Визн вывел на бумаге это слово — его он выучил сам. Он помнил, как во время одной из интимных минут неловко попытался выписать это слово пальцем на груди у Анселя. Стоило пальцу коснуться кожи, как грудь Анселя тяжело вздымалась, он распахивал полные усталости глаза и растерянно опускал взгляд.

Когда Визн наконец закончил, Ансель поднял голову и посмотрел на него с недоверием. В его зрачках мелькнула едва уловимая радость, словно в глухой ночной темноте внезапно вспыхнула оранжево-красная спичка.

Ансель приоткрыл рот и хриплым голосом переспросил: — Love?

Визн с улыбкой кивнул.

Ансель обнял его вспотевшей рукой, притянул ближе и тоже торжественно вывел на его груди:

— A-d-o-r-e.

— Adore, — повторил Ансель с изящным произношением, не сводя с него янтарных глаз. Визн не понимал разницы между этими двумя словами и мог лишь с улыбкой целовать его пальцы.

Но Ансель, вопреки обыкновению, не рассмеялся от его ласк. Он долго молчал, и перемены в его настроении были заметны невооруженным глазом. Уголки его глаз покраснели, губы сжались, ресницы задрожали, и он снова принялся медленно выводить на его груди:

— L-u-s-t.

Визн выписал оба слова на бумаге, нежно потирая пальцами угольную крошку, и ему вновь показалось, будто он чувствует шелковистую гладкость вспотевшей кожи.

Визн просидел неподвижно так долго, словно прожил во сне целую жизнь, а затем резко очнулся, покачал головой, оторвал исписанный лист и, бережно сложив, спрятал у самого сердца.

Что на самом деле чувствовал Ансель, когда выводил эти два слова? Об этом оставалось лишь гадать.

Ансель был человеком благородным.

Любовь, ненависть, боль и терзания — ничто из этого не выражалось у него в истериках. О буре в его душе можно было догадаться лишь по побелевшим кончикам пальцев, дрожащим ресницам да учатившемуся дыханию. Но разве бушевавшие страсти в сердце столь мягкого и чуткого человека уступали чужим?

А вдруг все те хитрости, к которым он прибегал, Ансель давно раскусил? Что же заставляло этого умного мужчину, этого пронзительного охотника по доброй воле прикидываться глупцом и бросать пять лет своей жизни на ветер, словно камень в воду?

Визн не смел продолжать эти мысли и открыл чистую страницу.

Дело тетушки Лайру придется отложить до ее возвращения, когда станут известны все

подробности, чтобы вместе подумать над планом действий. Сейчас же важнейшей задачей было заранее подготовиться к надвигающемуся через полтора года экономическому кризису.

Хотя поместье Эмхольц гарантировало им кров и еду, старшая сестра Виэна, жившая в деревне, вместе с тремя детьми после ранения мужа останется без каких-либо средств к существованию и сможет рассчитывать только на его помощь.

Поэтому ему было необходимо скопить определенную сумму до начала кризиса, чтобы справиться с возможными трудностями. Идеальным вариантом было бы купить собственный дом в деревне для семьи сестры, иначе потом, когда зарплаты сократятся на три-четыре десятка процентов и едва будут покрывать расходы на еду, о выплате аренды не могло быть и речи.

Но какими способами можно раздобыть деньги?

Виэн закусил кончик угольного карандаша, измазав рот черной мазью. В прошлый раз в эту же пору он был занят мытьем посуды и стряпней на кухне, у него не было ни малейшей возможности или понимания происходящего за стенами усадьбы. Все его знания о бирже и рынке ограничивались случайными обрывками фраз, услышанными десять лет спустя в водовороте высшего света. Ни покупать лотерейные билеты, ни ставить на скачки он не мог, а для инвестиций в бизнес не было ни стартового капитала, ни надежных партнеров.

— Виви? — в разгар его лихорадочных раздумий дверь отворилась, и горничная Мелин с охапкой ненужных обрезков ткани в руках собралась свалить их у стены в ожидании утренней уборки другими слугами. — У тебя весь рот в саже!

Виэн провел рукой по лицу и, взглянув на пальцы, обнаружил на них черное пятно. Мелин тут же оторвала полоску белой ткани и, присев на корточки, принялась тереть ему щеку.

Внезапно простое платье Мелин привлекло его внимание: несмотря на то, что она была всего лишь горничной, в поместье придерживались весьма передовых вкусов в одежде. Иными словами, входившие в моду женские платья все еще обходились без кружев, что сильно отличалось от светских тенденций десятилетней давности.

Глаза Виэна вспыхнули. Долго вращаясь в кругу аристократок, где ему порой даже доводилось примерять женские наряды, он знал толк во всевозможных кружевах и отделке.

И как раз кстати здесь имелось всё необходимое: во-первых, материалы в виде тех самых ненужных лоскутов, а во-вторых, настоящий профессионал — руки у Мелин были золотыми, она сама шила немало платьев для хозяйки, а в ее комнате даже стояла отличная швейная машинка.

— Мелин! — Виэн резко схватил ее за руку. Его прекрасные зеленые глаза сияли драгоценным блеском, а на лице играла озаренная яркой улыбкой надежда.

Сердце Мелин заколотилось. Шестнадцати-семнадцатилетние девушки неизбежно предавались романтическим фантазиям из любовных романов, особенно когда речь шла о ком-то столь ослепительно красивом, как Виэн. Круг горничных только и делал, что гадал, какой тип девушек ему нравится больше всего.

А теперь Виэн взял ее за руку, отчего она залилась краской до самых ушей, а голос ее стал тише писка комара:

— Ч-что такое?

Виэн наклонился ближе, и от него повеяло чистым, свежим ароматом. Мелин едва не лишилась дыхания.

— Давай вместе заработаем большие деньги!

<http://bllate.org/book/24921/2948973>